

Р. Хаутала

Рецензия на книгу:

Golden P.B. *Central Asia in World History // The New Oxford World History Series.* – New York; Oxford: Oxford University Press, 2011. – x+178 с.

Книга Питера Б. Голдена «*Центральная Азия в мировой истории*» опубликована в новой Оксфордской серии мировой истории (New Oxford World History), главным новаторским достоинством которой, согласно содержанию предисловия редакторов серии (с. ix-x), является изначальное стремление бросить вызов традиционному и устаревшему, по мнению редакторов, европо- или американоцентрическому представлению мировой истории. Оксфордская серия делится на три основные группы монографий, представляющих историю человечества в хронологическом, тематическом и географическом порядке. Публикация Голдена относится к последней группе монографий, рассматривающих историческое развитие неевропейских регионов земного шара, и содержит компактное описание истории Центральной Азии от палеолита до настоящего времени.

Очевидная краткость содержания книги в отношении к хронологическим и географическим масштабам рассматриваемого аргумента оправдывается намерением автора предоставить понятное для широкого круга читателей пособие по общей истории Центральной Азии, которое, одновременно, могло бы представлять интерес и для исследователей, специализирующихся на отдельных аспектах взаимоотношений евразийских кочевников с окружающими оседлыми культурами. Ценность монографии заключается в способности Голдена описать историю Центральной Азии

в содержательной и небанальной форме, выработанной, согласно утверждению автора, в ходе его 36-летнего преподавания студентам факультета всеобщей истории Ратгерского университета. Академическая ценность книги подчеркивается неизменными указаниями на наиболее спорные историографические вопросы в ходе рассмотрения каждого отдельного исторического периода. Следует также отметить и выгодную методологическую особенность работы, заключающуюся в знакомстве Голдена с русскоязычными исследованиями. С другой стороны, ссылочный аппарат монографии содержит, по большей части, публикации советского периода вместе с редкими упоминаниями современных работ русских исследователей, касающихся, в первую очередь, периода Новейшего времени.

Введение к книге, *Наслоение народов* (A Layering of Peoples, с. 1–8), отличается любопытным отсутствием обоснования со стороны Голдена выбора географического термина «Центральная Азия», по всей вероятности, более понятного для широкого круга читателей в сравнении с нередко употребляемым в англоязычных исследованиях термином «Внутренняя Азия». Голден, однако, косвенно уточняет границы рассматриваемого региона, представляя его окруженным оседлыми цивилизациями Китая, Ирана, Средиземноморья, Европы и России и причисляя тем самым к Центральной Азии степи Восточной Европы и Анатолии. Основной целью *Введе-*

ния является стремление автора познать характер региона, не имеющим, в сравнении с окружающими оседлыми культурами, коренного населения с ясно выраженным и устойчивым этническим, лингвистическим или религиозным идентитетом. Центральная Азия, по словам Голдена, является полем перманентного смещения разнородных групп кочевников, определение этнического состава которых и степени религиозного или лингвистического влияния новых наслоений является одной из самых сложных задач специализированных исследователей.

Первая глава монографии, *Возникновение кочевого образа жизни и оазисных городов-государств* (The Rise of Nomadism and Oasis City-States, с.9–20), затрагивает теоретические проблемы, связанные с объяснением появления феномена кочевого скотоводства в III тысячелетии до н.э., и содержит упоминание наиболее спорных вопросов в исследованиях по доисторическому периоду Центральной Азии. Голден указывает на существование оживленной дискуссии исследователей в отношении идентификации географической области первичного возникновения кочевого скотоводства и причин его относительно быстрого распространения в степях Центральной Азии. Более важным, однако, представляется указание на центральную роль городских центров Мавераннахра и Восточного Туркестана в экономической деятельности кочевников и в оформлении административной структуры их последующих государственных образований. Данные указания и общее содержание книги показывают, что, несмотря на отсутствие конкретных уточнений автора, Голден рассматривает области Средней Азии неким культурно-экономическим ядром всего рассматриваемого региона и представляет главные государственные объединения кочев-

ников подчиненными основной цели налогообложения городских центров Мавераннахра и контролирования их внешних торговых связей.

Название второй главы, *Ранние кочевники: «война – это их главное занятие»* (The Early Nomads: «Warfare Is Their Business», с.21–34), очевидно, выдает намерение Голдена сформулировать основную причину возникновения государственных объединений кочевников, заключающуюся в организации наиболее эффективных инвазий в земледельческие регионы. Однако в своем представлении индо-арийского завоевания современных территорий Ирана в середине II тысячелетия до н.э. Голден подчеркивает необоснованность устаревших предположений о чрезвычайно ожесточенном характере завоеваний и указывает на заключения современных исследователей об относительно мирном характере покорения иранских территорий, которому, скорее, способствовал упадок местных культур, чем чрезмерный воинственный характер самих завоевателей. Следующие далее умозрительные предположения по поводу контакта индо-арийских переселенцев с западносибирским населением, основывающиеся на филологических заключениях, выдают относительную некомпетентность Голдена в вопросе, связанном с попыткой представить финские архаичные морфемы в качестве современных слов финского языка (**parsas* – свинья, вместо *porsas*; **mete* – мёд, вместо *mesi*; с.21).

За описанием религии сарматов и истории державы Хунну следует заслуживающее внимания представление малоизученного Кушанского царства с характерным смешением эллинистических и местных бактрийских влияний (с.31–32). Вторая глава заканчивается констатированием относительной слабости ранних кочевнических государств, не имевших особого влияния на мировую историю;

подготавливая тем самым переход к рассмотрению подробно изученных периодов истории Центральной Азии с характерным изобилием сведений письменных источников.

Третья глава, *Небесные Каганы: Тюрки и их преемники* (Heavenly Qaghans: The Türks and Their Successors, с.35–49), содержит компетентное изложение истории возникновения и последующего распада Тюркского каганата, где рассмотрению невыясненного вопроса о происхождении династии Ашина можно было бы уделить значительно больше внимания (с.37). В общих чертах, однако, содержание главы полностью соответствует ее красноречивому титулу, которое фокусируется на акцентировании исторической роли Тюркского Эля в основании первой трансконтинентальной империи кочевников, способствовавшей интенсификации торговых связей и идеологических взаимообменов между дальневосточным и средиземноморским регионами.

В четвертой главе, *Города Шелкового Пути и прибытие ислама* (The Cities of the Silk Road and the Coming of Islam, с.50–62), и в пятой главе, *Полумесяц над Степью: ислам и тюркские народы* (Crescent over the Steppe: Islam and the Turkic Peoples, с.63–75), Голден концентрируется на анализе последствий арабского завоевания Мавераннахра и дальнейшего укоренения ислама в Восточном Туркестане, связанного с возникновением государства Караханидов. Отдельный интерес представляет указание Голдена на недавно открытые письменные свидетельства торговой деятельности населения согдийских оазисов в домусульманский период (с.50), так же как и замечания автора о необоснованности утверждений некоторых исследователей, склонных связывать появление производства бумаги на Ближнем Востоке непосредственно

с результатами сражения на реке Талас 751 г.: Голден цитирует свежие исследования, свидетельствующие об изобретении бумаги в Китае и ее распространении в более ранний период (с.60).

Особого внимания заслуживает освещение Голденом актуальной проблемы причин исламизации кочевников. Оставляя в стороне возможные спекуляции в отношении влияния политической мотивации на религиозное обращение кочевников Восточного Туркестана, Голден фокусируется на рассмотрении центральной роли суфийских проповедников в приобщении тюркских кочевников к мусульманской религии (с.69). Позже Голден возвращается к данной теме в связи с рассмотрением процессов исламизации Золотой Орды и Чагатайского улуса (с.92), указывая всякий раз на очевидное сходство между ритуальными практиками шаманов и суфиев как на основной фактор, способствовавший безболезненному распространению ислама среди кочевников. Голден подкрепляет свои утверждения традиционными ссылками на советские этнографические исследования по современному шаманизму Киргизии, опуская возможные оправдания использования этнографического материала столь позднего периода (с.93–94) и избегая ссылок на наиболее влиятельные исследования по теме (как, например, часто цитируемой статьи Реувена Амитая: Sufis and Shamans: Some Remarks on the Islamisation of the Mongols in the Ilkhanate // Journal of the Economic and Social History of the Orient. Vol. 42/1. – Leiden, 1999, с.27–46). В общем, трактовка Голдена серьезной историографической проблемы, продолжающей вызывать оживленную дискуссию в среде исследователей, имеет необоснованно поверхностный характер.

В шестой главе, *Монгольский вихрь* (The Mongol Whirlwind, с.76–90),

Голден иллюстрирует образование и дальнейшую экспансию монгольской империи, уделяя, возможно, недостаточно обоснованно, значительное место пересказу экзотического содержания *Сокровенного сказания монголов* (с.79–82); но останавливается и на упоминании актуальной историографической проблемы определения географических границ улусов, унаследованных сыновьями Чингисхана (с.83). Общей идее книги соответствует констатация интенсификации межкультурных связей на евразийском континенте в монгольский период, с отдельным упоминанием возросшего интереса к изучению обмена кулинарными практиками между родственными культурами Китая, Персии и кочевнического мира (с. 88). Интересно также и указание на возобновление общего интереса к сведениям, содержащимся в отчете францисканца Гийома де Рубрука относительно образа жизни и религии монголов, значительно превосходящим в своей аккуратности информацию Марко Поло (с.88).

Название седьмой главы, *Поздние Чингизиды, Тимур и Тимуридский Ренессанс* (The Later Chinggisids, Temür, and the Timurid Renaissance, с.91– 104), отражает, по словам Голдена (с.98), современную тенденцию сопоставления параллельного культурного расцвета Западной Европы и государства Тимуридов XV ст. как следствие меценатской политики правителей обоих регионов, которой посвящается основная часть главы.

Восьмая глава, *Эпоха пороха и крушение империй* (The Age of Gunpowder and the Crush of Empires, с.105–121), иллюстрирует постепенное падение военного превосходства кочевнического мира в связи с принятием на вооружение огнестрельного оружия граничащими с Центральной Азией державами Сефевидов, Маньчжуров и Московии в течение XVI – XVII

веков. Среди актуальных историографических вопросов, затрагиваемых Голденом, здесь следует указать на, несомненно, интересную переоценку классической парадигмы экономического упадка Центральной Азии в связи с открытием европейцами трансокеанических торговых путей и с общим ухудшением климатических условий внутри евразийского континента. Голден приводит ссылки на свежие работы западных исследователей, свидетельствующих об активной коммерческой деятельности индийских купцов на среднеазиатских рынках и о параллельном росте торговых взаимоотношений между русскими территориями и Персией Сефевидов (с.115–116). Следует, однако, отметить и некоторую шаблонность в освещении предполагаемого «цивилизующего» влияния ламаизма на монголов XVI века (с.110–111), которая могла бы быть значительно дополнена упоминанием актуальных критических исследований по теме (как, например: Atwood С.Р. Buddhism and Popular Ritual in Mongolian Religion: A Reexamination of the Fire Cult // History of Religions. Vol. 36/2. – Chicago, 1996, с.112–139).

Последняя глава, *Проблемы Новейшего времени* (The Problems of Modernity, с. 122–139), представляет убедительное свидетельство повышения интереса западной историографии к проблеме интеграции кочевников в рамках новых империй России и Китая, имеющих определенную актуальность и в настоящее время.

В заключение следует подчеркнуть несомненную ценность новой монографии Голдена, представляющей собой популяризованную версию более серьезной *Кембриджской истории Внутренней Азии* (Di Cosmo N.; Allen F.J.; Golden P.B., eds. The Cambridge History of Inner Asia. – Cambridge, UK; New York: Cambridge University Press, 2009).